

Эвелина Шац

Сказка про букву Ё

Жил себе Ёш, был себе Ёш, ну, в общем, жил-был Ёш. А может быть, и не был. Но имя у него было такое, будто и был вовсе: Ёш Ёшевич Ёшиков. Друзья звали его просто Ёшка. Какие друзья? Ну конечно, особенные, как всё, что касается Ёшки. Это были Лары и Пенаты, домовички. И были они, эти Лары, кочевые. Ведь жильё-быльё сегодня – кочующее как никогда. Поэтому никто их так никогда и не видел. Жили они всегда на чемоданах. Чуть что – и в путь. Лары-невидимки иногда выпрашивали у Ёшки точки с ё, и тогда можно было наблюдать балет чёрного конфетти, *confiandoli*, лопотали они по-итальянски, будто они на карнавале. Конфеттинки носились в воздухе, и тогда казалось, что это домовый влетел в каминную трубу и правит чёрно-снежный бал. И холодно, и жарко. Так он же и вправду влетел. Было весело и пыльно. А потом становилось тихо и грустно, как после бала и бывает. По конфеттинке осталось на чёлках у Ларов и у Пенатов, и стали они похожими на Ёшку.

В доме было красиво и уютно. Как это и проистекает, когда в доме живут домовики. Кто-то приезжал и уезжал, приходил и уходил. Ёшка учился правописанию. После того как вышел закон, установивший равноправие е и ё, надо было не просто выучить, но и заново написать все слова на ё и те, в которых ё проживало до сих пор без прописки. Когда уезжали чемоданы, в доме угасала приязнь. Исчезали точки, точки с запятой и даже тире. Казалось, что всё слегка умирало и съёживалось. Ёшка тоже, забившись в угол, почёсывал свои ёшные точки и скучал по Ларам. Вдруг снова возвращались чемоданы. Дом какие-то мгновения был ещё ёжист и пуст. Но вот открывались чемоданы и...

прыг-скок, ём-ёк, да, это Лары разбегались по дому и занимали свои домовые позиции. Всё оживало, переставало ёжиться, воздух становился улыбчивым, звуки – певучими. Ёшке уже некогда было корпеть над точками и запятыми. Он давно уже решил, что точка – она вовсе запятая, и кое-что ещё, поэтому запятые – лишние люди. Экология требует жертв. Долой запятую! Давай точки! Точек всё больше. Скоро они привлекут в свою ёшкину партию все остальные знаки препинания.

Из точек строятся навтыяжку длинные красивые тире. Их любил Айги. И вот уже черта отмечает пространство, как ножевая рана, прорез Фонтаны, выход в космос. Ах, вы не знаете, кто такие Айги и Фонтана? Спросите у Ларов, они заглянут в интернет в чемодане и всё вам скажут. Тем временем черты из множества точек летят пачками в пространство. Супрематизм Малевича. Катюша. Нет, не песня Исаковского, а орудие. А это уже Леонардо. Или ещё Леонардо. То есть Да Винчи в своих Винчи когда-то набросал такую многоствольную пушку. «А вот, может быть, он, супрематист, Малевич?» – подумал Ёшка. Малевать или малёвать? Вовсе запутался Ёшка. Мысли заплелись в косичку. Косичка повисла на девичьей головке. Может, дёвичьёй? Да-да! Дёвочка появилась вместе с Ларами. Но она упрямо утверждала, что она девочка. Евочка. То есть Ева. Ёшка согласился и сказал: «Давай учиться вместе новым законам». Ёшка с Евкой взяли за руки и пошли гулять с точками и без точек.

– Но ведь с точками краше! – сказал страстно Ёшка.

– Да, – грустно отозвалась Ева. Давай я стану Ешей.

– Давай, – обрадовался Ёшка. – А я буду звать тебя Ешка. Только ты не толстей.

– Ладно.

– Ты не грусти. Когда мы поженимся, мы станем под мои точки, как под венец, и из нас получится дабл'ё. «ёё» с двумя точками, «ёё» спиной друг к другу с четырьмя точками, – хохотал Ёшка, ёкая.

– А разве такое ещё бывает? – протянула Ева неуверенно. – Женитьба. Венец. Ведь мы теперь равны?

– Ладно, поделим точки поровну, иначе они вырастут в иголки, и я стану Ёжка, а ты Ёжиха. Тебе это надо?

– Ёжик тоже божья тварь. Только вот шуршит больно по ночам. Спать не даёт. А точки тихие. И шепчутся между собой по ночам тихо-тихо.

– Ну давай поспим. Дадим им пошептаться.

– Ш-ш-шш-ша! – отозвались Лары. Наверное, этот гам-тарарам в едином громкоголосье из повелительных ША! они недавно привезли из Одессы. Ша! Все спят Ш-ш-ш-ш-ш засыпали точки, им снилось дабл'ё.

